

БАЗЫ ДАННЫХ И ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ

DATABASES AND INFORMATION RETRIEVAL SYSTEMS

СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ РЕПРЕССИРОВАННЫХ В 1935–1937 гг. НА АЛТАЕ: АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ И АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

SOCIAL PORTRAIT OF FORMER POLITICAL PRISONERS
IN THE ALTAI REGION (1935–1937):
ANALYSIS OF DATABASE AND ARCHIVE FILES

Мишина Екатерина Максимовна

Специалист по учебно-методической работе
кафедры исторической информатики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова
E-mail: zyu@inbox.ru

Ekaterina M. Mishina

Статья посвящена анализу социального портрета репрессированного в период после убийства С. М. Кирова до начала Большого террора (декабрь 1934 — июль 1937 г.) на Алтае. В первой части статьи дается характеристика источника — базы данных «Жертвы политического террора в СССР», а также описывается методика построения базы данных на основе архивных материалов (следственных дел репрессированных). Во второй части приводится анализ социальных характеристик репрессированных, таких как пол, возраст, национальность, социальное положение.

Ключевые слова: репрессии 1935–1937 гг., Алтай, «книги памяти», база данных, следственное дело, статистический анализ, социальный портрет.

The article is dedicated to analysis of social portrait of terror victims after assassination of Kirov till the beginning of the “Great Terror” (December 1934 — July 1937) in the Altai Region. The first part dwells on the one source of research, a database called Victims of Political Terror in USSR and the methods of creating database on archive files (investigation cases of victims). The second part covers the issue of the analysis of the social characteristics of victims such as gender, age, nationality and social position.

Keywords: political repressions (1935–1937), “memory books”, the Altai Region, database, statistical analysis, investigation files, social portrait.

На протяжении последних 25 лет тема политических репрессий в СССР в 1930-е гг. вызывает дискуссии в исторической литературе. Она содержит в себе различные аспекты, среди которых есть и малоисследованные — о собирательном образе репрессированного, включающем такие признаки, как возраст, национальность, род занятий, социальное происхождение и др. Каждый из них в 1930-е гг. мог повлиять на судьбу человека и стать решающим основанием для ареста. Для понимания того, кто и по каким мотивам становился объектом репрессий, необходимо подробное изучение каждой из таких характеристик на основании индивидуальных данных.

В 1930-е гг. можно выделить несколько репрессивных волн, отличающихся друг от друга по своему масштабу и направленности. Первая волна приходится на годы «сплошной коллективизации» (1930–1933 гг.), ознаменовавшейся процессом раскулачивания и «спецпереселения» зажиточных крестьян в северные районы страны, карательными мерами по отношению к «саботажникам» и расхитителям хлеба, пиком которых стало издание постановления ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», известном в народе как «закон о пяти колосках». По этому закону к середине 1933 г. было репрессировано более 200 тыс. человек, из них 5,4% приговорены к расстрелу и 84,5% — к 10 годам лишения свободы¹. Следующая репрессивная волна началась с убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г., которое послужило причиной издания в этот же день постановления ЦИК и СНК СССР «О внесении изменений в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик». Согласно этому постановлению дела террористов должны были рассматриваться в десятидневный срок, слушаться без участия сторон, а приговор о высшей мере наказания (ВМН) должен был немедленно приводиться в исполнение². После издания закона началась череда репрессивных кампаний, направленных против тех, кто, по мнению власти, был причастен к убийству Кирова. Так, цепочки сфабрикованных дел создали базу для проведения в августе 1936 г. и январе 1937 г. двух показательных Московских процессов, когда на скамье подсудимых оказались бывшие «конкуренты» И. В. Сталина на посту генерального секретаря партии согласно «политическому завещанию» В. И. Ленина³: Каменев и Зиновьев, Пятаков и Радек. Они были обвинены не только в подготовке контрреволюции, но и в покушении на первых лиц государства: Сталина, Кагановича, Кирова, Орджоникидзе и др.⁴

Февральско-мартовский пленум 1937 г. обозначил курс на ужесточение репрессивной поли-

тики. Решениями пленума были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников», а также взят курс на реорганизацию аппарата Наркомвнудела с целью сделать его «подлинно боевым органом, способным обеспечить возложенные на него партией и советским правительством задачи по обеспечению государственной и общественной безопасности»⁵. С этого момента курс на проведение массовых операций был закреплен окончательно; по закону он был оформлен в приказе № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». 1937–1938 гг. в истории России по праву могут считаться одними из самых драматичных, так как за столь короткий период было репрессировано более 1,5 млн чел., что сказалось на дальнейшей истории Советского государства.

Так как периодам раскулачивания и Большого террора в исторической литературе посвящено немало работ, однако темой нашего исследования является вторая волна репрессий 1930-х гг., а именно с декабря 1934 г. по июль 1937 г. Репрессивные кампании этого временного промежутка, в некоторой степени предвещающие операции Большого террора 1937–1938 гг., освещены в литературе в основном только на уровне московских процессов; репрессии 1935 — первой половины 1937 г. в региональном масштабе остаются сравнительно малоизученными. В разных районах страны репрессивные волны имели определенную специфику. Наше исследование строится на основе данных по Алтайскому краю. В период Большого террора в ходе жестоких «кулацкой» и «немецкой» операций, а также других репрессивных кампаний на этой территории было репрессировано более 18 тыс. чел.⁶ Этому способствовало то, что данная территория традиционно являлась местом ссылки; в советское время это определило появление здесь большого числа единоличников и кулаков, а также спецпереселенцев — немцев, образовавших свой район около Славгорода. Предпосылки массовых операций значительного по региональным меркам масштаба были заложены в период после убийства С. М. Кирова. Именно для изучения вопроса о том, кто становился объектом политического террора, необходимо составление социального портрета репрессированного.

Основными источниками данного исследования выступили архивные документы — следственные дела репрессированных (материалы отдела спецдокументации управления архивного дела Алтайского края (ОСД УАДАК), Ф. Р-2), а также база данных «Жертвы политического террора в СССР»,

составленная историко-просветительским обществом «Мемориал», содержащая в себе материалы Книг Памяти с краткими справками на каждого учтенного репрессированного почти по всем республикам и областям бывшего Советского Союза. В первой части данной статьи описывается методика работы с базой данных, этапы построения собственной базы данных на основе архивных материалов, а также характеризуются источниковедческие проблемы, возникающие при переносе сведений из следственных дел в формат базы данных. Вторая часть работы посвящена анализу основных социальных характеристик репрессированных на Алтае в период с декабря 1934 г. по июль 1937 г. (по записям базы данных).

Электронная база данных историко-просветительского общества «Мемориал» (далее — БД «Мемориала»)⁷ содержит информацию о 2614978 репрессированных за весь советский период и является ценным источником для составления социального портрета репрессированных. Отметим, что до настоящего момента базы данных, как и Книги Памяти, использовались для анализа социальных характеристик репрессированного только периода Большого террора⁸. Методы работы с базами данных показали свою эффективность: к примеру, анализ основных социальных характеристик репрессированных в ходе Большого террора в Горьковской (в настоящее время Нижегородской) области показал, что пик репрессивного процесса пришелся на декабрь 1937 г.; в основном от репрессий пострадали люди в возрасте от 31 года до 60 лет, при этом людей старше 60 лет чаще ожидали смертные приговоры, как и представителей «инонациональностей». Основными объектами репрессий оказались не «антисоветские элементы» — раскулаченные, нетрудящиеся, а рабочие, колхозники и служащие⁹.

Исходная база данных была создана «Мемориалом» в формате MySQL, который позволяет работать с огромными массивами информации. Так как работа с базой данных с использованием интерфейса, созданного разработчиками, проблематична (полученную при помощи запроса информацию можно сохранить только в формате.txt), для удобства анализа путем последовательных запросов на выборку из базы данных были выделены сведения сначала по рассматриваемому временному промежутку, затем по соответствующим Книгам Памяти (в результате были использованы материалы четырех из семи томов, составленных по материалам следственных дел репрессированных на Алтае)¹⁰. База данных содержит 1758 запи-

сей о репрессированных по Алтаю в период с 1 декабря 1934 г. по 1 июля 1937 г. Карточки содержат такие сведения о каждой персоналии, как пол, возраст, место рождения, род занятий, место жительства, дату ареста и приговора, обвинение и информацию о реабилитации.

Следующим этапом работы стала адаптация полученной базы к приложению MS Access при помощи программы DBConvert for MS Access & MySQL. Созданная нами реляционная база данных по материалам БД «Мемориала» содержит главную таблицу под названием «persons» и 39 подчиненных таблиц. Каждое поле главной таблицы имеет пятизначный номер, которым закодирована как текстовая, так и количественная информация, а именно поля с датой ареста и приговора («arestdate» и «suddate» соответственно). Для анализа данных полей и составления динамик и репрессивных процессов при помощи запросов на обновление пятизначные коды были переведены в даты в формате «месяц.год». Данные текстовых полей извлекались при помощи подчиненных таблиц.

Заметим, что, согласно данным Книг Памяти других регионов, к примеру, современной Республики Алтай, содержание карточек в БД «Мемориала» может быть различным: присутствуют графы с информацией о социальном происхождении и партийной принадлежности, а также в некоторых случаях номер архивного дела. При работе с материалами по Алтайскому краю отсутствующие поля компенсируются сведениями из 10% выборки, проведенной автором по архивным документам.

Следственные дела репрессированных являются важнейшим источником исследования, так как содержат недостающую в БД «Мемориала» информацию, а также служат для проверки ее сведений. Основными элементами каждого дела являются: постановление о предъявлении обвинения, протокол обыска, анкета, протоколы допросов, судебного заседания, приговор и акт о реабилитации (при ее наличии). На основании подобных документов были получены сведения о 246 персоналиях по 84 архивным делам, которые включают данные о социальном происхождении и положении, национальности, роде занятий, дате ареста и приговора, статье обвинения. Сопоставление материалов выборки со сведениями БД «Мемориала» позволяет ответить на вопрос о том, в какой степени материалы Книг Памяти и БД соответствуют сведениям следственных дел.

Отметим, что составление баз данных по архивно-следственным делам репрессированных активно применяется в исторической науке. Описана методика разработки базы данных «Память» по материалам государственного архива Томской области, а также опыт ее применения для иссле-

дования динамики и характера репрессий в этом регионе; активно базы данных используются также исследователями из Алтайского края и Смоленской области¹¹. В основном данные работы посвящены периоду массовых операций 1937–1938 гг.; методика создания и анализа базы данных по ар-

хивным документам (далее — архивная БД) по репрессиям 1935 — первой половины 1937 г. апробируется впервые.

Архивная БД состоит из главной и пяти подчиненных таблиц, связанных друг с другом по полю «номер репрессированного» (рис. 1).

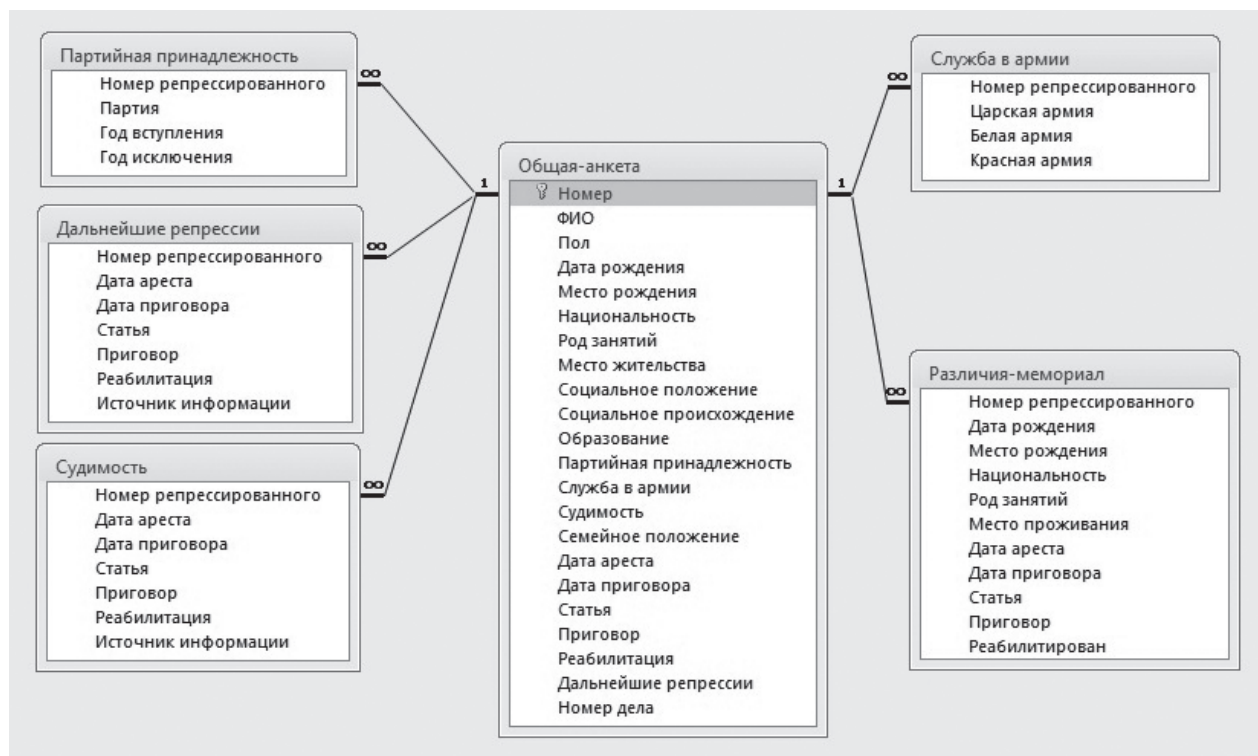

Рис. 1. Схема данных архивной БД

Как следует из рисунка 1, поля главной таблицы содержат информацию о дате и месте рождения, месте проживания, роде занятий, социальном положении и происхождении, семейном положении, дате ареста и осуждения, статье, приговоре, реабилитации и номере дела. Данные о партийной принадлежности, службе в армии, судимостях, дальнейших репрессиях, а также различиях в карточках, выявленных между архивными данными и БД «Мемориала», в главной таблице выведены в поля типа «логический» и связаны с соответствующими таблицами связью «один-ко-многим». Путем последовательных запросов (простых, с групповыми операциями и с использованием нескольких таблиц) были получены необходимые для анализа сведения, в дальнейшем структурированные и обработанные при помощи программы MS Excel.

При переносе сведений из следственных дел в архивную БД мы столкнулись с некоторыми источниковедческими проблемами. Для их наглядного представления в архивной БД была создана таблица, в которую были внесены выявленные различия между сведениями БД «Мемориала»

и следственным делами. Такие различия в источниках встретились в карточках на 118 персоналий, при этом одна карточка могла содержать несколько расхождений. Самый большой процент несоответствий в следственных делах и БД «Мемориала» по отношению к общей архивной выборке (246 персоналий) выявлен по полям «дата ареста» (36 случаев, 14,9%), «род занятий» (22 случая, 8,9%) и «статья обвинения» (21 случай, 8,5%).

Наиболее значимыми различиями являются расхождения по полю «дата ареста». Различия в 1–10 дней (23 случая из 36) не являются существенными, так как не влияют на качественные результаты исследования, однако расхождения в 1 месяц и более (10 и 3 случая соответственно) отражаются на месячной динамике арестов. Необходимо указать причину таких расхождений. Основным источником для заполнения граф в архивной БД является анкета репрессированного. Она могла заполняться следователем как в день ареста, так и спустя некоторый промежуток времени. Дата, стоящая в анкете, соответствует дате ее заполнения, однако есть случаи, когда она отсут-

ствуется¹². Также в анкете есть графа «кем и когда арестован», которая также в большинстве случаев оставалась незаполненной, однако именно она является главным источником информации о дате ареста. По сведениям, полученным от сотрудников регионального архива, в Книги Памяти в качестве даты ареста заносилась дата заполнения анкеты. Такой подход представляется не совсем точным, так как в следственных делах есть анкеты, которые наглядно иллюстрируют несовпадение этих дат. К примеру, в деле на гражданина П. Афельбаума в графе «кем и когда арестован» значится 24 апреля 1937 г., а датой заполнения анкеты является 6 мая 1937 г.¹³ В данном случае мы считаем правильным проводить проверку даты ареста по постановлению об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, так как оно вручалось обвиняемому в день ареста. В Книгах Памяти при извлечении данных из следственных дел этот важнейший источник ставился на последнее место после протокола обыска, судебного заседания и приговора.

Отметим также, что выявление правильных сведений в следственных делах зависит от того, насколько реальным представляется вычленение сфальсифицированных фактов. Трудность в этом случае составляет также то, что подавляющее большинство следственных дел, попавших в выборку, наглядно свидетельствует о невысоком уровне грамотности следователей. Зачастую подобные ошибки легко отличить от явной фальсификации, однако необходимо учитывать данный факт и проверять все зачеркнутые или неясно написанные слова. Примером такой неточности может служить дело ветсанитара С. Смоленского, который был арестован по обвинению в саботаже и антисоветской агитации по статье 58-10-14. Дата ареста в его постановлении указана как 26 сентября 1936 г., однако по анкете он, как и еще один участник данного дела, были арестованы 23 сентября¹⁴. С точки зрения практических результатов данная разница не будет являться значимой при составлении динамики арестов, однако выявление фальсификации (при ее наличии) является источниковедческой тонкостью, связанной с анализом репрессивных механизмов.

Поле «род занятий» напрямую связано с социальным положением репрессированного. Оно необходимо для анализа как профессионального, так и социального состава репрессированных. Как показали данные выборки, из 22 различий в 16 случаях род занятий заменен на иной: к примеру, тот, кто имеет рабочую профессию по материалам следственного дела, в БД «Мемориала» является занятым в сельском хозяйстве. При анализе полной совокупности (1758 персоналий) расхождение данного признака равняется 0,9%, что не может существенно отразиться на результатах исследования. Схожая

картина наблюдается при рассмотрении поля «статья обвинения». Из 21 выявленного расхождения в 15 случаях указанные пункты статьи 58 не сходятся. К примеру, В. Колесников, проходивший по делу «Русского общевойскового союза» — «контрреволюционной террористической организации», — был обвинен по статьям 19, 58-2-7-8-11, согласно обвинительному заключению¹⁵. БД «Мемориала» показывает, что Колесников был обвинен по статьям 19, 58-2-7-8-9-11, т. е. к исходному обвинению в статье 58 прибавился пункт о совершении взрывов и поджогов на линиях путей сообщения с целью свершения контрреволюции (пункт 9)¹⁶. Вероятно, статья, указанная в БД «Мемориала», приписывалась обвиняемому при его аресте. В данном случае использование в качестве итоговой статьи той, которая указана в обвинительном заключении, представляется более верным. Таким образом поступали и составители Книг Памяти, однако при отсутствии информации за итоговую статью ими принималась указанная в постановлении об избрании меры пресечения. Обращаясь к таким сведениям, необходимо всегда учитывать, что статья могла измениться в ходе дела, так как находилась в зависимости от показаний обвиняемого, а также от того, что от человека хотел услышать следователь. Так, Г. Сладковский, начальник строительства нефтебазы, был обвинен по ст. 58-7 за хищения на производстве и срыв строительства¹⁷ — согласно статье «подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения... совершенный в контрреволюционных целях»¹⁸. Через два года следствия, в 1938 г., ему было предъявлено обвинение по ст. 58-6 — шпионаж в пользу иностранного государства. Согласно обвинительному заключению, Сладковский был приговорен к расстрелу по обвинению, соответствующему ст. 58-2-6-9-1119 — вооруженное восстание и вторжение на советскую территорию вооруженных банд, шпионаж, подрыв путей сообщения и организационная контрреволюционная деятельность, которая даже отдаленно не похожа на ту, которая была оглашена изначально. В таких случаях, чаще всего встречающихся в объемных или многотомных делах, необходимо обязательно обращать внимание на обвинительное заключение.

Отметим, что в большинстве случаев расхождения в источниках не влияют на конечные результаты исследования. При использовании поля «год рождения» по материалам БД «Мемориала» для подсчета среднего возраста репрессированного результат составляет 41,28 лет, по материалам следственных дел — 41,19 лет. Очевидно, что расхождение в несколько сотых не является качественно значимым, следовательно, данные обоих источников (исходя из нашей методики верификации) пригодны для исследования.

Обратимся к данным БД «Мемориала» и архивной БД, которые позволяют определить основные черты социального портрета репрессированного 1935 — первой половины 1937 г. Рассмотрим динамику арестов и приговоров данного периода.

Как видно из рисунка 2, в указанный период аресты на Алтае происходили неравномерно: до апреля 1937 г. количество арестованных не превышало 100 чел. в месяц, однако наблюдались и пиковые моменты — август 1935 г., апрель и сентябрь 1936 г. Несмотря на то, что в рассматриваемом нами пе-

риод не выделяется таких крупных и спланированных операций, как, к примеру, «кулацкая» операция периода Большого террора, направленная против лиц определенных занятий и социального происхождения, мы можем высказать предположение, что динамика репрессий предыдущего периода напрямую зависела от политических инструкций, направляемых из центра в регионы и связанных с общим положением в стране. Мы не исключаем также и то, что руководящие органы партии на местном уровне не проводили репрессивных кампаний районного масштаба. Примером этого может служить помесечная динамика арестов колхозников и единоличников (рис. 3).

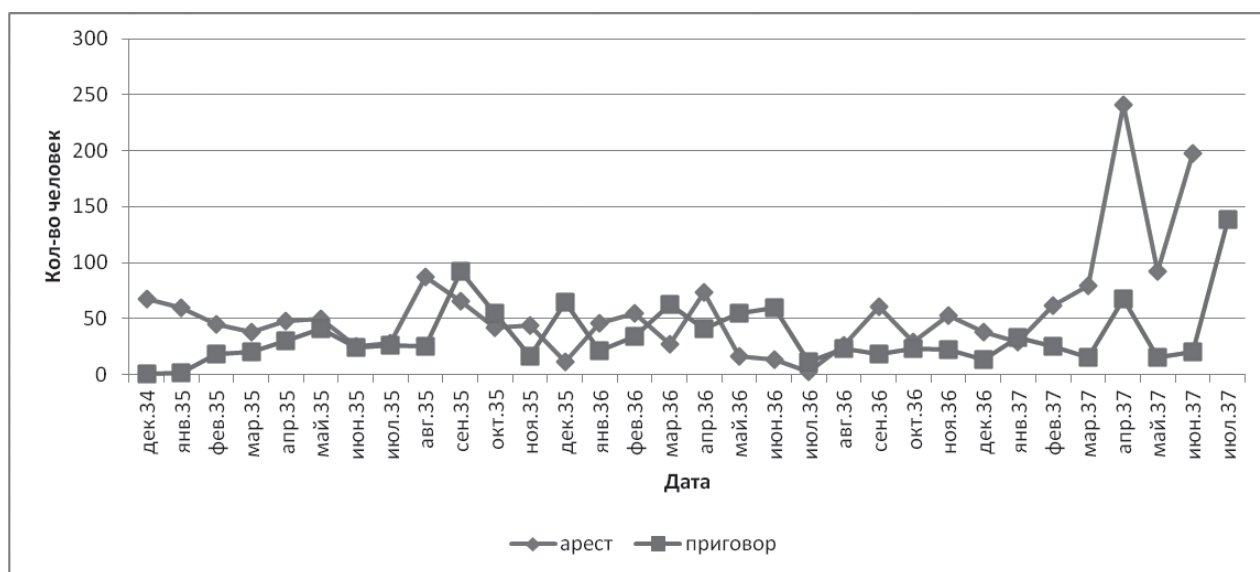

Рис. 2. Динамика арестов и приговоров с 1 декабря 1934 по 1 августа 1937 г.

Рис. 3. Динамика арестов колхозников и единоличников с 1 декабря 1934 по 1 июля 1937 г.

Отметим, что Алтай традиционно являлся регионом с достаточно высоким уровнем развития сельского хозяйства, именно поэтому при обзоре репрессий середины 1930-х гг. мы делаем упор на людей, занятых в сельскохозяйственном производстве. Согласно рисунку 3, динамика арестов единоличников является практически идентичной динамике арестов колхозников (исходя из общего соотношения численности групп: 163 и 345 чел. соответственно). Очевидно, что пиковые моменты повторяют общую динамику арестов за рассматриваемый период. В соответствии с рисунком 2, в августе 1935 г. было арестовано 87 чел., из них 37 колхозников и 26 единоличников. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что в это время на территории Алтая проходила определенная кампания, направленная против занятых в сельском хозяйстве. По данным БД «Мемориала», еще 7 человек — пять рабочих и двое занятых в сельском хозяйстве (тракторист и бригадир) также были арестованы в 1935 г., что подтверждает сделанный нами вывод.

Рассмотрим также статистику приговоров, выносимых колхозникам и единоличникам.

Таблица 1

**Приговоры, вынесенные колхозникам
и единоличникам
с 1 декабря 1934 г. по 1 июля 1937 г.**

Приговор	колхоз- ник	% от всего	едино- личник	% от всего
1–4 года	68	19,7	32	19,6
5 лет	54	15,7	23	14,1
6–9 лет	22	6,4	22	13,5
10 лет	32	9,3	24	14,7
ВМН	56	16,2	18	11
Прекра- щено	108	31,3	39	23,9
Нет све- дений	5	1,4	5	3
<i>Всего</i>	<i>345</i>	<i>100</i>	<i>163</i>	<i>100</i>

Как видно из таблицы 1, самый суровый приговор — ВМН — выносился членам колхоза чаще, чем единоличникам (16,2 и 11% соответственно). При этом приговоры в 6–9 и 10 лет в большей степени получали единоличники. Их дела прекращались в 23,9% случаев, в то время как на колхозников приходится 31,3%. Суммарный процент приговоров (без ВМН, прекращенных дел и отсутствия сведений) имеет соотношение 51,1 к 61,9% (колхозники и единоличники соответственно), что указывает на то, что на протяжении рассматриваемого периода репрессии против «классово-чуждых элементов»

превалировали над репрессиями среди колхозников, что в общем соответствовало принципам советской политики.

Возвращаясь к рисунку 2, отметим следующие два пиковых момента — апрель и сентябрь 1936 г. Так как с декабря по апрель (с небольшим понижением в марте) количество арестов среди занятых в сельском хозяйстве постоянно возрастало (см. рис. 3), мы можем сделать предположение, что это было вызвано докладной запиской барнаульского сектора НКВД «О засоренности колхозов кулацкими и другими сощуждыми элементами по Барнаульскому району», датированной декабрем 1935 г.²⁰ Сентябрьские аресты, очевидно, в определенной степени связаны с прошедшим в августе 1936 г. первым Московским процессом, который повлек за собой все более усиливающуюся борьбу с «троцкистскими элементами». Отметим, что она была начата ранее — на региональном уровне можно считать одной из точек отсчета телеграмму барнаульского сектора НКВД о возрастающей активности «троцкистско-зиновьевского контрреволюционного подполья» от февраля 1936 г.²¹ В целом эта телеграмма соответствовала ситуации, происходившей в это время в Москве. 9 февраля 1936 г. было издано постановление о приговоре «троцкистской группе», которая обвинялась в попытке покушения на И. Сталина во время демонстрации на Красной площади 7 ноября 1935 г.; четырем участникам «покушения» приписывалось тюремное заключение на срок 10–8 лет (так в источнике. — *Е. М.*)²². Также 14 февраля 1936 г. Сталину и Ежову было отправлено спецсообщение Г. А. Молчанова о «контрреволюционных» проявлениях со стороны лиц, исключенных из ВКП(б), при проверке партдокументов в Курской области и в Грузии, в соответствии с которым в Грузии было арестовано 460 чел.²³ Примечательно то, что уже 17 февраля на Алтае, в Бийске, начались аресты проживающих там грузин, отправленных в ссылку за «антисоветские выступления» в 1920-х гг.²⁴ Таким образом, можно говорить об определенных параллелях всесоюзного и регионального уровней.

Особенно ярко такие параллели видны с марта по июнь 1937 г. Февральско-мартовский пленум фактически обосновал основные линии Большого террора и заложил курс на массовые операции, которые начались в конце июля 1937 г. В апреле было арестовано самое большое количество человек за весь рассматриваемый период — 241. В июне было арестовано 198 человек, в то время как в мае — 92. Такую картину можно объяснить подготовительной фазой Большого террора: апрельские аресты стали реакцией на результаты февральско-мартовского пленума, в июне же происходило раскручивание громкого дела «Русского

общевоинского союза», по которому на Алтае только по материалам одного дела было арестовано и приговорено 23 человека²⁵.

В противовес ситуации 1937 г. были и месяцы, в которые количество арестов было минимальным, и это во многом связано с динамикой приговоров (см. рис. 1). В ней наблюдается интересная закономерность: с осени 1935 г. по лето 1936 г. большое количество приговоров выносилось каждые два месяца, т. е. пиковые моменты приходились на сентябрь (92 приговора), декабрь (65), март (63) и июнь (60). В декабре в противовес большому количеству приговоренных было арестовано 11 человек. Вероятно, такое большое количество окончанных дел именно в декабре связано с нежеланием следователей переносить их на новый год. Этот факт объясняется и временем ведения следствия: по закону оно не могло проходить более двух месяцев²⁶, однако анализ динамики показывает, что следствие по 56 из 65 законченных дел в декабре (86,2%) продолжалось от трех до шести месяцев. В сентябре 1935 г. количество таких дел составило 62 (67,4%), в марте 1936 г. 47 (74,6%) и в июне 40 (66,7%), что наглядно демонстрирует пренебрежение нормами закона и желание следователей любыми средствами добиться необходимых показаний.

Наряду с декабрем 1935 г., малое количество арестов (3) наблюдается в июле 1936 г. Очевидно, что это связано с тем, что летом 1936 г. происходила пересылка ранее заключенных и ссыльных в лагеря Дальстроя; в этой связи все усилия УНКВД были направлены в основном на это²⁷. Кардинально от июля 1936 г. отличается ситуация апреля 1937 г., когда количество и арестов, и приговоров резко увеличивается. Как и в предыдущие пиковые месяцы, следствие по 54 из 68 прекращенных дел (79,4%) продолжалось более двух месяцев. Июль 1937 г., несмотря на то, что он непосредственно не входит в рассматриваемый нами период, также представляет особый интерес, так как на него приходились последние суды до начала массовых операций Большого террора, а также деятельность первых «троек», одна из которых заседала 25 июля. Вероятно, во многом именно благодаря ей количество приговоренных в июле было столь высоко — 139 человек, из которых 136 были арестованы с сентября 1936 г. по июнь 1937 г., т. е. во время постепенного увеличения жестокости террора и перехода к массовым операциям. Этот этап на союзном уровне интересен также тем, что 11 октября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) издало постановление о смещении Г.Г. Ягоды и назначении Н.И. Ежова, который стал наркомом внутренних дел — основным проводником кровавого террора 1937–1938 гг.²⁸

В контексте сравнения периода «Большого террора» с предыдущим обратимся к зависимости приговора от социального положения репрессированного (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость приговора от социального положения в абсолютном выражении (01.12.1934–01.07.1937), чел.

Приговор	Сельскохозяйственные рабочие с/х	Служащие	Рабочие в промышленности
1–4 года	108	42	65
5 лет	89	97	48
6–9 лет	50	65	36
10 лет	61	92	41
15–20 лет	—	6	1
Ссылка	—	5	3
ВМН	86	194	107
Дело прекращено	168	54	83
Нет сведений	11	1	8
Всего, чел.	573	556	392

Диаграмма на рисунке 4 наглядно демонстрирует зависимость приговора от социального положения в процентном соотношении.

Согласно данным таблицы 2, приговоры в 1–4 года (до 3-х лет включительно — обычно заключение в трудовые колонии, что было гораздо мягче, чем лагеря, куда направлялись осужденные на более длительные сроки) чаще выносились людям, занятым в сельском хозяйстве, в то время как служащие чаще попадали в систему ГУЛАГа: в суммарном отношении их приговоры от 5 до 20 лет значительно превышают приговоры рабочих промышленности и сельского хозяйства (46,7 против 32,2 и 34,8% соответственно). Значительное количество служащих было приговорено к ВМН — 194 чел., или 34,9%. Высок процент приговоров к «высшей мере социальной защиты» и у опоры советского общества — промышленных рабочих — 27,3% (107 чел.). В этом отношении картина террора описываемого периода схожа с Большим террором в Горьковской области — за 1937–1938 гг. к ВМН там было приговорено 32,2% арестованных служащих. Однако число расстрелянных рабочих составляло там 34,1%²⁹, что характеризует различия двух периодов: репрессии 1935–1937 гг.

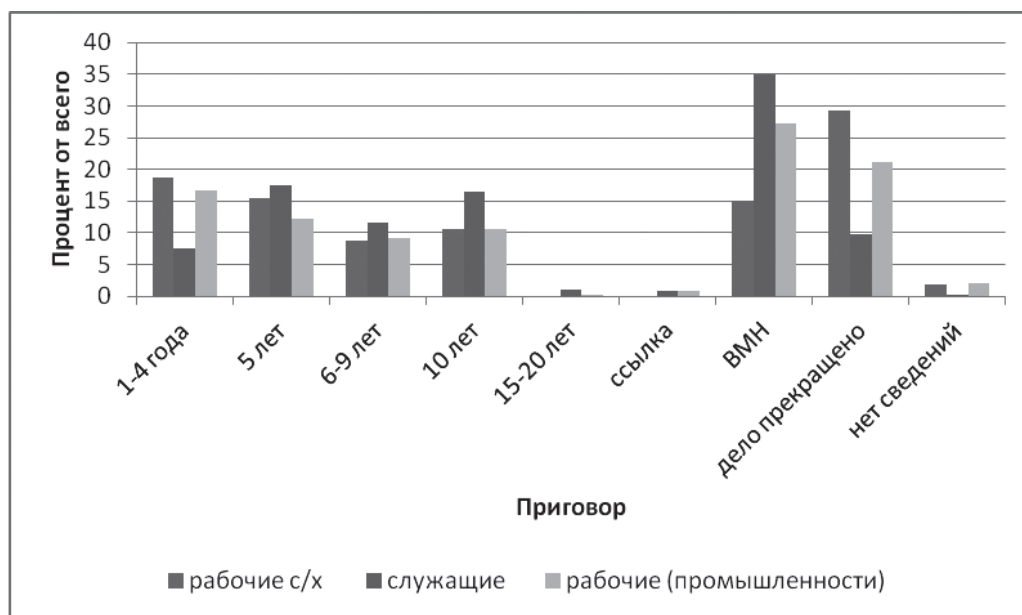

Рис. 4. Зависимость приговора от социального положения в процентном выражении (01.12.1934–01.07.1937)

больше затронули средние управленческие слои, а также работников сельского хозяйства. Несмотря на то, что большее количество дел лиц, занятых в сельском хозяйстве (168 случаев, 29,3%), было прекращено, в абсолютном выражении этот социальный слой понес наибольшие потери в рассматриваемый период (573 чел.).

В контексте анализа социального положения и приговоров интересно рассмотреть и механизмы репрессий. Следственные дела помогают выявить три типа. Первый механизм — «снизу вверх» — показывает, как за арестом рядового рабочего или колхозника следовал арест вышестоящего лица, как, например, в деле члена колхоза «Заря свободы» Л. Павлюченко, по материалам допроса которого были арестованы бригадир-полевод колхоза М. Недодел и бригадир Т. Кулаков³⁰. Следующий механизм — более редкий — «сверху вниз», когда от ареста начальника зависел арест его подчиненных. Так, 5 ноября 1935 г. был арестован бригадир плотников на строительстве ТЭЦ М. Боев. В этот же день был произведен арест плотника Д. Попова. Обвиняемым вменялась антисоветская агитация на ТЭЦ Меланжевого комбината Барнаула. В ходе допросов (по 4 допроса у каждого обвиняемого) работники строительства ТЭЦ не признали свою вину. Дело было прекращено 6 февраля 1936 г. за недоказанность обвинения³¹. Третьим механизмом является «смешанный» тип, присущий, как правило, сфабрикованным крупным групповым делам. Ярким примером здесь является дело «националистической организации»,

состоящей преимущественно из немцев, которая якобы осуществляла подрывную работу в колхозах. Еще в ноябре 1934 г. были арестованы председатели двух колхозов Немецкого района; за их арестом последовали обвинения против рядовых колхозников, учителя, столяра, машиниста и прочих представителей различных социальных групп. Все обвиняемые в апреле 1935 г. были приговорены к значительным срокам заключения, а председатели колхозов, кузнец и рядовой член колхоза — к ВМН³².

Рассмотрим половозрастной состав репрессированных в период с 1935 г. по первую половину 1937 г. По сведениям БД «Мемориала», подавляющее большинство репрессированных — 1700 чел., или 96,7%, — это мужчины, и только 58 чел., или 2,3% — женщины. Среди них значительную часть составляли колхозницы и домохозяйки (15 и 13 женщин соответственно), однако были и зубные врачи, учителя, уборщицы и единоличницы. Большая часть дел, заведенных на женщин, была прекращена (20 случаев из 58, 34,5%), однако интересен также процент приговоров на 1–3 года (15 случаев, 25,9%) и к ВМН (13 случаев, 22,4%). Очевидно, что не было смысла приговаривать женщин более чем к трем годам и отправлять их в систему ГУЛАГа, так как по сравнению с мужским их труд не мог быть эффективным. Восемь колхозниц получили сроки от года до трех лет, а 6 домохозяек были приговорены к расстрелу.

Обратимся к анализу возрастного состава репрессированных (табл. 3).

Таблица 3
Возрастной состав репрессированных
с 1 декабря 1934 г. по 1 июля 1937 г.

Возраст	Общее кол-во, чел.	Процент
12–20	3	0,2
21–30	304	17,3
31–40	515	29,3
41–50	471	26,8
51–60	311	17,7
61–70	125	7,1
71–80	26	1,5
81–90	1	0,1
Нет сведений	2	0,1
Всего	1758	100

Как следует из таблицы 3, чаще всего репрессиям подвергались люди в возрастных группах от 30

до 40 лет (29,3%) и от 40 до 50 лет (26,8%). В определенной степени от возраста зависел и приговор. Мы отобрали наиболее многочисленные возрастные группы и приговоры с наибольшей частотой встречаемости. Результаты анализа приведены в таблице 4 и на рисунке 5.

Таблица 4
Зависимость приговора от возраста
репрессированного в абсолютном выражении
(01.12.1934–01.07.1937), чел.

Возраст	Приговор						Всего
	1–3 года	5 лет	6–9 лет	10 лет	ВМН	Дело прекращено	
21–30	58	51	39	31	40	68	287
31–40	61	76	54	77	135	89	492
41–50	57	80	47	67	123	83	457
51–60	41	46	24	29	82	67	289
61–70	11	9	13	10	58	19	120

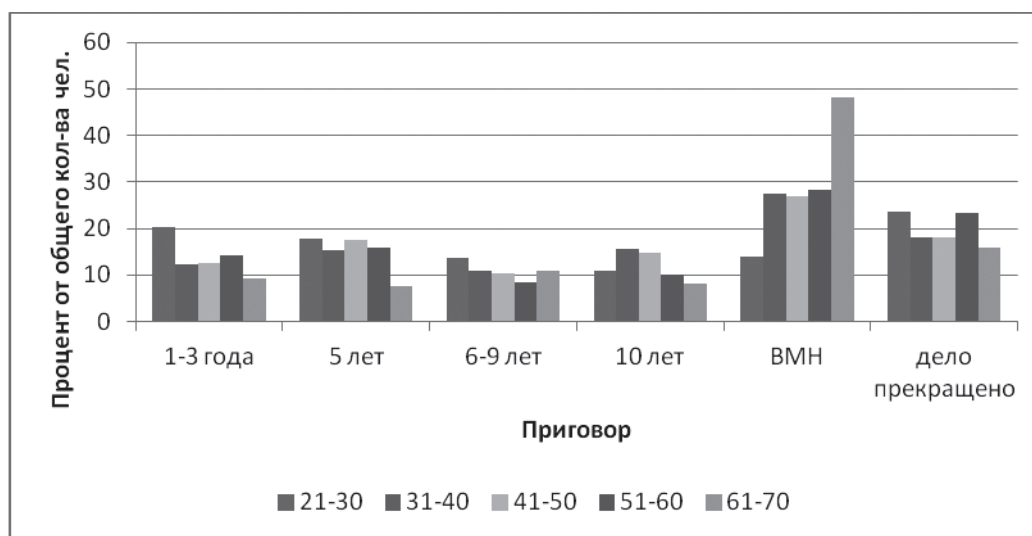

Рис. 5. Зависимость приговора от возраста репрессированного в процентном выражении (01.12.1934–01.07.1937)

Как свидетельствуют данные таблицы 4, в двух основных возрастных группах (согласно табл. 3) распределение приговоров происходило более или менее однородно — только в колонке «5 лет» разница показателей превышает 2%. Самое большое количество смертных приговоров приходится на людей в возрасте от 61 до 70 лет (48,3%), в то время как людей моложе 30 лет, как правило, не приговаривали к ВМН — на них приходится самый высокий процент прекращенных дел (23,7%),

а также заключения на срок до трех лет (20,2%). Среди 58 чел. в возрасте от 61 года до 70 лет, согласно БД «Мемориала», было 11 колхозников, 9 служащих, 9 единоличников, 11 служителей культа, 6 лиц без определенных занятий.

Таким образом, в самой старшей из рассматриваемых возрастных групп к расстрелу приговаривали в основном «чуждых» советскому обществу элементов (единоличников, служителей культа, неработающих граждан — всего 26 чел.). Среди слу-

жащих были репрессированы 2 директора завода (так называемых управленцев), остальные принадлежали к категории служащих государственных учреждений.

Рассмотрим национальный состав репрессированных. Отметим, что этот признак во многом определял судьбу человека во время проведения операций периода Большого террора; эти операции в значительной степени коснулись и Алтая, так как там находился густонаселенный район с преимущественно немецким населением.

С 1935 по первую половину 1937 г. на Алтае были репрессированы представители 28 национальностей. Самыми многочисленными являются русские (1225 чел., 69,9%), украинцы (136 чел., 7,7%) и немцы (120 чел., 6,8%). Необходимо упомянуть, что кампания против лиц немецкой национальности была начата в ноябре 1934 г.; их обвиняли не только в саботаже и подготовке контрреволюции, но и в связях с нацистской Германией³³. Приговоры, выносимые немцам, были суровее, чем представителям других национальностей. К ВМН было приговорено 38,3% арестованных немцев, и дела только 8,3% были прекращены; у русских эти показатели составляют 23,1 и 20,9%, у украинцев — 25 и 16,1% соответственно. Подобная картина наблюдается и при рассмотрении приговора в 10 лет: среди немцев доля такой меры наказания составляет 20,8%, среди русских — 12,4%, в то время как среди украинцев 13,2%. Очевидно, что репрессивная политика государства была направлена против представителей «инонациональностей», так как к ним чаще применялись самые жесткие меры наказания.

Обратимся к распределению репрессированных по признаку «село — город». По сведениям БД «Мемориала», 1188 чел. (из 1758), или 67,6%, проживали на селе, и 514 чел., или 29,2% — в городе. Анализ зависимости приговора от места проживания человека показывает, что городских жителей гораздо чаще приговаривали к расстрелу, чем сельских: в 34% случаев против 21%. Показатели количества прекращенных дел — 21,7% у жителей села и 12,3% у горожан — также свидетельствуют о большей жесткости приговоров горожанам. Объяснение таких показателей требует дальнейшего изучения этого вопроса.

Подводя итог, нужно отметить, что совместное использование данных электронной базы «Жертвы политического террора в СССР» и архивных материалов, несомненно, дает более надежные результаты исследования. В ходе работы была составлена архивная БД с использованием материалов следственных дел репрессированных, которая способна выявить определенные проблемы источниковедческого характера. Сравнение данных архивной выборки с общей совокупностью репрессированных на Алтае в описываемый период подтвердило достаточную надежность использования БД «Мемориала» в качестве источника, несмотря на найденные расхождения в фактах, которые, впрочем, не влияют на качественные результаты исследования.

Анализ динамики арестов и приговоров показал наличие пиковых моментов в репрессиях, связанных с событиями как местного, так и союзного масштаба. В основной массе репрессии были направлены против людей, занятых в сельском хозяйстве, хотя наиболее жесткие приговоры чаще получали служащие и рабочие промышленности. Основной возрастной группой репрессированных были люди в возрасте от 31 года до 50 лет; при этом приговоры в возрастных группах от 31 года до 40 лет и от 41 года до 50 лет распределялись практически равномерно. В самой старшей возрастной группе (от 61 года до 70 лет) преобладали приговоры к ВМН, при этом направлены они были против «чуждых» советскому строю элементов. В отношении национальностей самые жестокие приговоры выносились немцам и (в меньшей степени) украинцам, в то время как значительная часть дел, заведенных на лиц русской национальности, была прекращена. Также чаще прекращались дела жителей села, в то время как горожане чаще, чем сельские жители, приговаривались к расстрелу.

Таким образом, исследование Книг Памяти и архивных документов выявило значительный информационный потенциал данных источников. Они позволяют в полной мере проанализировать важнейшие характеристики социального портрета репрессированных, а также на основе полученных результатов провести сопоставление с другими волнами репрессий 1930-х гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Зима В. Ф. Человек и власть в СССР в 1920–1930-е годы: политика репрессий. М., 2010. С. 106–107.
- 2 СЗ СССР. 1934. № 36. Ст. 283.
- 3 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344–345.
- 4 Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е гг. М., 1996. С. 167.

-
- ⁵ Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. №2. С. 24.
- ⁶ Массовые репрессии в Алтайском крае 1937–1938 гг. Приказ №00447. М., 2010. С. 24, 35.
- ⁷ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.
- ⁸ См.: Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональным «книгам памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. М., 2013. С. 305–316; Melanie Ilić. The Great Terror: Leningrad — a Quantitative Analysis // Ed. Stephen G. Wheatcroft. Challenging traditional views on Russian history. London, 2002.
- ⁹ Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. №1. С. 41.
- ¹⁰ Жертвы политического террора в Алтайском крае. Т. 2. Барнаул, 1999; Т. 3. Ч.1. Барнаул, 2000; Т. 3. Ч. 2. Барнаул, 2000; Т. 7.: 1920–1965. Барнаул, 2005.
- ¹¹ Уйманов В. Н. Опыт создания электронной базы данных репрессированных на территории Томской области // Вестник ТГУ. №362. 2012. С. 103–104.
- ¹² Отдел специальной документации управления архивным делом Алтайского края (ОСД УАДАК). Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12276. Л. 5.
- ¹³ Там же. Д. 15659. Л. 7об.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 633. Л. 4, 12, 13.
- ¹⁵ Там же. Д. 5189/23. Л. 11.
- ¹⁶ Особенная часть УК РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm>
- ¹⁷ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034. Л. 410.
- ¹⁸ Особенная часть УК РСФСР 1926 г. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/KP/1/05.htm>
- ¹⁹ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 7034. Л. 447.
- ²⁰ Политические репрессии в Алтайском крае 1919–1965 гг. Барнаул, 2005. С. 99.
- ²¹ Там же. С. 103.
- ²² Лубянка. Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД / сост. В. Н. Хаустов и др. М., 2003. С. 715, 723.
- ²³ Там же. Документ №567. С. 724, 728.
- ²⁴ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 12765/2. Л. 5, 24, 37, 49, 75, 91, 104, 116; Д. 12765/2, Л. 3, 5, 15, 41, 50.
- ²⁵ Там же. Д. 5189/23. Л. 11.
- ²⁶ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР. Постановление ВЦИК от 15.02.1923 // Известия ВЦИК. №37. 18.02.1923.
- ²⁷ Папков С. А. Обыкновенный террор: политика сталинизма в Сибири. М., 2012. С. 166.
- ²⁸ Лубянка. Сталин и ВЧК — ОГПУ — НКВД. С. 715, 767.
- ²⁹ Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.). С. 39.
- ³⁰ ОСД УАДАК. Ф. Р-2. Оп. 7. Д. 20460. Л. 23, 81, 93.
- ³¹ Там же. Д. 758. Л. 2, 4, 17, 22, 60.
- ³² Там же. Д. 8896. Л. 1, 2, 7, 42, 53, 61, 73, 215, 218об.
- ³³ Белковец Л. П. «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири (конец 1920-х — 1930-е гг.). М., 1995. С. 178–204.
-